

Не надо опять отбирать и делить. Царя бы выбрать культурного

В гостях у Виктора Астафьева

— Расскажите, пожалуйста, о своей встрече с Солженицыным, посетившим ваш дом в деревне Овсянка во время его поездки по стране в 1994 году. В прессе ничего по этому поводу не писалось.

— Мне позвонили предварительно: «К вам приедет Александр Исаевич». Я говорю: «Очень хорошо». Приехал. Прошел он в дом и говорит: «Всех этих киношников за воротами оставим». «Александр Исаевич, давайте я вас сначала проведу по деревне, по Енисею, покажу, что обезображено и что есть хорошего, заведу вас в библиотеку, на кладбище заведу».

Зашли в библиотеку.

«Хорошая библиотека, — говорит, — для сельской неожиданная».

Потом зашли на кладбище. А кладбище не работает уже сорок пять лет. Поэтому оно, конечно, заросло все. Стоит ель такая, что я подрубал все сучья, потому что даже трава не растет. Много старообрядческих крестов. Я говорю, если могилка мхом поросла, крест лежит, то, значит, родственники кончились. А те, которые в городе живут, в третьем или в четвертом поколении, им уже никто не нужен. Если бабка живая, мать живая, может, и привезут детей порезвиться. Вот пока я живой, то всячески кладбище буду защищать, но не уверен, что когда умру, то не построят здесь дачи на людских косточках.

Потом вернулись домой. Спрашиваю:

— Рюмаху-то как?

— Нет, Виктор Петрович, сейчас обедать будем. А после обеда у меня выступления.

— А парни как?

— А чё парни? Они у меня русские парни, поддают. Я матери говорю: «Это меня тревожит». А она мне: «Да не тревожься ты. Спиваются те, кому делать нечего, а они у нас загружены по уши».

Три часа проговорили, не заметив. Через десять — пятнадцать минут я чувствовал себя совершенно свободно. Но я не того уровня воспита-

ния, деревенский все-таки, чтоб перейти какую-то грань. Я и не переходил, помня, кто передо мной. Он больше рассказывал, а я слушал. Но все-таки высказался.

Об обустройстве России, говорю, много у вас наивного. Это неизбежно — двадцать лет в отрыве прожить. Надо каждый день в этом потоке купаться, как в жидкой помойке, тогда будешь доподлинно все воспринимать. Надо прежде всего, чтобы народ захотел обустроить себя. А он у нас в большинстве своем так развращен, что не хочет работать и не будет работать. Нужно одно, два, три поколения, которые войдут в частную собственность, будут дорожить землей, жизнью своей. А ему сейчас ни жизнь, ни родина, ничего не дорого. Чхал он на это все. Так вот на него подействовала за семьдесят с лишним лет советская власть.

— Да я это знаю, — ответил Солженицын.

— А как вы относитесь к тому, что Солженицына отлучили от телевидения?

— Нравилось кому-то или нет, отдаленно или не отдаленно от нашей почвы, но слово проповедника нужно нам всем, во всяком случае интеллигенции. Другое дело, что собеседника у него были очень разные и большинство — которых у нас не любят. Я думаю, что после выборов возобновят его телевыступления. Во всяком случае, останкинцы об этом поговаривают. Или программа будет по-другому как-то называться, но то, что он будет на телевидении снова, это вне всякого сомнения.

— Виктор Петрович, вы входили в президентский совет Ельцина?

— Они меня включили самостийно. Меня и в горбачевский «включали», как и в ельцинский потом. Но я как раз работал над романом «Прокляты и убиты». Мне некогда было. Да я бы и не пошел. И я дал телеграмму: мол, люди добрые, вы хоть спросили бы, прежде чем включать ме-

ня. Что это такое? Это уже совсем никуда не годится! Я узнаю по радио, что уже являюсь членом президентского совета. А они мне в ответ телеграмму, что, извините, не проследили. И вообще я никогда ничем не руководил. Был рядовым на войне, рядовым и остался. А ранее я входил только в культурную комиссию Верховного Совета СССР вместе с Кириллом Лавровым. Я его недавно поздравил с юбилеем и написал: «Мы по сравнению с этой шпаной были депутатами ничего, хоть молчали». А эти болтают, кого посадить, кого нет. Не только один Ручкой — дикарь, но и наши красноярские депутаты. Путают свое звание... «Слуга народа» все-таки не прокурор и судья сразу. А вообще, наслушавшись таких болтунов, я думаю в отчаянии, что к монархии надо вернуться.

— К монархии?

— Царя бы выбрать культурного, и назначал бы он министров, меньше бы денег уходило на все это. Я вот читаю сейчас стендограммы выступлений в Госдуме Керенского. Точно как у нас все. А в других странах избранные президенты подготовлены всей предшествующей культурой. И их народы могут одичание быстро сбросить. Как немцы, одичавшие за двенадцать лет правления Гитлера. Быстро очухались. Я восхищался, как издала мою книгу еще в ГДР, а замминистра Хёпке мне и сказал: «Виктор Петрович, чему вы удивляетесь? В 1861 году, когда у вас поролли мужчин и женщин на площадях, вся Германия поголовно грамотной была».

— Но ведь и у нас умели работать?

— Это когда еще была крестьянская Россия. Ведь сельское хозяйство — это государство в государстве, где крестьянин сам себе был и царь, и герой, и хозяин. Он отвечал и за урожай, и за скоты, и за детей, и за здоровье их. Если он был умен, старателен, то у него хозяйство было в порядке, бабе было чего надеть. Глупости говорят,

что была нищая Россия. Запущенная Россия — это другое дело. Потому что в 1861 году отменили крепостное право, а советская власть снова ввела его, загнав людей в колхозы и лишив их права выезда. И народ нашел всякие способы, в основном обманные, — для того, чтобы покинуть деревню. Чё коммунисты хвастаются? У нас Россия ведь пустая стоит. У нас на юге края земля такая, что сунь в землю оглоблю, телега вырастет, полным-полно пустых деревьев. А люди ютятся в городе в клетках гостиничного типа, город загрязнен из-за алюминиевого завода, а женщины рожают детей с костями, которые ломаются. Но в деревню люди не возвращаются: так советская власть пуганула. И те, с которыми я беседую, говорят, что нет уверенности, что не отберут, — тем более что сейчас коммунисты после выборов снова собираются отнимать и делить. Ну после царя, после Великой России еще было что отнимать и делить, а то, что накопили наши богатенькие — это очень немного, дележки на три дня. Отберут у них мебель, выбьют стекла, насертят посреди особняка. И что?

— Ну а если они нечестно нажили?

— Тому, что нас научили честности коммунисты, — есть самое настоящее вранье. Врать в газетах и по телевизору каждый день, обирать народ, строя и держа КГБ, возводя себе дворцы на море, а нам с тридцатых годов бараки с сортирами во дворе. А в коммерческих структурах те, кого я знаю, работают по четырнадцать-пятнадцать часов.

Ребята опрятные, умеют вести себя. Я думаю, что среди них, как и в другом обществе, есть, конечно, мошенники, есть и казнокрады. А в основном, эти люди работают.

Беседовал
Владимир БОНДАРЕНКО
Красноярск